

— Никаких проблем, всё как скажете, господин, — охотно отозвался Юэ Цин.

Цзи Жань усмехнулся:

— Какие уж там указания, я в этом совершенно не разбираюсь. Конкретику оставляю вам, кроме стены — в остальное я не вмешиваюсь. Стройте как положено.

— Понял. Тогда, если больше ничего, пойду работать? — Юэ Цин кивнул и поднялся.

— Трудитесь на здоровье, — Цзи Жань тоже встал.

Дело решили, и Юэ Цин тут же принялся за работу.

Стену возводили быстро, всего за несколько дней уже вырисовывались очертания. Но именно это и заставило некоторых сельчан забеспокоиться: стена явно огораживала всю пустошь, а значит, и дом должен был выйти огромным. Дело было даже не в размерах, а в том, сколько же на такое строительство уйдёт денег?

Да, сколько же это будет стоить?

Старуха Лу в последние дни только и слышала, как соседи судачат об этом. Глядя, как растёт дом этой стервы, она просто изводилась, сердце скребло от зависти. Но пока младший сын был дома, буянить не получалось. Вот он вчера и уехал обратно в училище — и старухе уже не сиделось на месте.

Видно, правду говорят: шрам зажил — боль забыта. В глазах у Старухи Лу теперь сверкало только серебро, а все прежние мытарства вылетели из головы.

Не только ей не сиделось спокойно — вся семья Лу позеленела от зависти. Особенно не в себе была Лэн Сянлянь, самая беспокойная. Заметив, что у свёкрови опять чешутся руки, она тут же принялась подстрекать.

Но Старуха Лу и сама была не промах: хоть невестка и разжигала, на скандал она в этот раз не позарилась. Вместо этого отправилась на кухню, вытащила из рисового амбара с десятков яиц, кое-как уложила в корзинку, прикрыла синим платком и направилась напрямик к Цзи Жаню.

Яйца-то были запасены для Лэн Сянлянь, на послеродовое восстановление. Увидев, как их уносят Цзи Жаню, та аж затопала от злости. Но потом одумалась: если старуха и вправду обернёт того вокруг пальца, разве яиц на потом не найдётся?

— Цзи Жань? Цзи Жань дома? — На этот раз Старуха Лу поумнела: не бросилась вперёд, а осталась поодаль и позвала ласково.

Именно что ласково. Её визгливый голос, подделанный под сладкое, противное клокотанье, заставил всех вздрогнуть. Юэ Цин как раз хлебал кашу с лепёшкой — чуть чашку не выронил. Остальные работники тоже перепугались.

Не мудрено: будь такой голос у шестнадцатилетней девицы — куда ни шло, но от старухи-то...

Цзи Жань тоже вздрогнул от неожиданности, а увидев, что это Старуха Лу, и вовсе не знал, какую мину сделать. Казалось бы, живут каждый своим домом, воду не мутили — и вот опять. Видно, действительно, зажил шрам — забылась боль.

Цзи Жань бросил взгляд и, не удостоив ответом, принялся завязывать фартук и мыть посуду.

Его игнор Старуху Лу не смутил. Всё так же улыбаясь, она подошла ближе:

— Строительство — дело тяжкое. Гляжу на тебя, дитятко, — и без того худой, а теперь совсем осунулся. У матери сердце болит. — Цзи Жань молчал, но ей хоть бы что. Поставила корзинку на столик:

— Из дома помочь нечем, вот я тебе яичек набрала. С утра сваришь, подкрепишься. Смотри, не надорвись.

Ого! Неужто остепенилась и сменила тактику на мягкую?

Цзи Жань лишь бровью повёл, продолжая делать вид, что её не замечает. За время общения он уже понял: чем слаще у этой старухи улыбка, тем крупнее пакость она замышляет.

Не дождавшись ответа, Старуха Лу глазками повертела да и усмехнулась:

— Одному тебе с этим хозяйством до ночи возиться. Давай-ка я помогу. — И, не дав Цзи Жаню слова вымолвить, уже засучивала рукава и бралась за котел:

— Жарко ведь, наработался, наверное. Весь в поту. Давай я приберусь, а ты ступай в дом, воды попей, отдохни. Как бы не сгореть. Лето началось — с каждым днём жарче. Ты и так хилый, о здоровье побережись надо. По мне так — большое это хозяйство одному тянуть, устанешь. Хоть бы кто помогал.

Ну вот, расписала всю материнскую заботу, а подвох-то здесь.

Цзи Жань внутренне усмехнулся, но виду не подал. Со старухой спорить не стал, налил себе чашку холодной воды и отхлебнул:

— Ничего, не устал.

Старуха Лу, наконец-то дождавшись ответа, обрадовалась, но на лице лишь усилила выражение заботы:

— Сейчас не устал, а потом сляжешь. Знаю, ты парень работающий, но себя-то жалеи.

Цзи Жань снова принялся пить воду, не отвечая.

У Старухи Лу внутри всё кипело от досады. Ярость подкатывала, но выплеснуть её она не смела — уже наступала на эти грабли и знала, что Цзи Жань — орешек крепкий.

— Давай так, — Старуха Лу сдержалась и продолжила свой монолог:

— Сейчас в поле работы мало, я и Гаоши без дела. Завтра я её с собой приведу, вместе поможем.

— Ни в коем случае! — Цзи Жань сделал вид, что ему противно даже слышать:

— Строю дом — дело радостное. Не хочу, чтобы опять какая мерзость вышла да людей на смех подняла. В прошлый раз она меня в домогательствах обвинила, а теперь, чего доброго, ещё и в постели поймают. Сама мерзость — не беда, боюсь, моего Чжэня потревожу.

Слова были до того едкие, что Старуха Лу аж дёрнулась, чуть котелок не выронила. Притворяться дальше стало трудно.

А Лу Чжэнь, до сих пор остававшийся в тени, услышав, как Цзи Жань называет его «Чжэнь», бровь приподнял. Взгляд его скользнул по спине Цзи Жэня, пальцы погладили уголок рта, а на лице расцвела такая сладострастная улыбка, будто он уже видел, как швыряет его на кровать и принимается за дело. Взгляд был наглый, откровенный, полный похоти.

Однако сам Цзи Жань, в этот самый момент мысленно подвергаемый всяческим непотребствам, ничего не замечал. Видя, как у Старухи Лу срывает маску, он внутренне злорадствовал и уже собирался вернуть ещё пару колкостей, как вдруг почувствовал, как чья-то рука непристойно шлёпнула его по заднице. От неожиданности он чуть не подпрыгнул.

Возмущённый, Цзи Жань обернулся, чтобы бросить разгорячённому взгляду, но встретил такой же пылкий — и сердце его ёкнуло, а щёки вспыхнули.

— Вечером потренируемся в чувствах. Хочу слышать, как ты называешь меня «Чжэнь», — тихо усмехнулся Лу Чжэнь, а затем растворился в воздухе и возник за спиной Старухи Лу. — Старуха недобрая, чего ты с ней переругиваешься? Только время теряешь. Смотри на меня.

Цзи Жань с любопытством округлил глаза, ожидая, какую же пакость Лу Чжэнь выкинет. Тот наклонился к затылку Старухи Лу и дунул ледяным воздухом. Та вздрогнула, дёрнулась — и шея её с хрустом заклинило.

— Ай! Шея! Ой, шея не поворачивается!

Что ж, это призрак дыхнул — вот и кривошея.

Но способ был не слишком оригинален. С трудом сдержав желание закатить глаза, Цзи Жань обратился к Старухе Лу:

— Бабушка, вам нездоровится, не трудитесь у меня. Чуть что — я отвечать не смогу. У меня и правда всё под контролем. Может, домой пойдёте?

— Ничего, ничего, — Старуха Лу ещё не добилась своего и уходить не собиралась. Одной рукой растирая шею, другой она потянулась к Цзи Жаню:

— Это я просто резко повернулась, в возрасте часто бывает. Цзи Жань, помоги-ка мне, присяду, отдохну.

Цзи Жань уже не мог сдержать улыбку. Надо же, даже в таком состоянии не отступает.

— Ладно, — безразлично согласился он, помог Старухе Лу дойти до скамейки и усадил. Затем, будто невзначай, спросил:

— Давно не видел Лао Сы и господина Тао. Уехали что ли?

Услышав имя Лу Чаньюаня, Старуха Лу явно напряглась:

— Лао Сы... он на каникулы из училища приезжал. Вчера с господином Тао обратно и отбыли.